

© 1999 г. К.-П. ХЕРБЕРМАН

КОМПАРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СРАВНЕНИИ. К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ ГРАММАТИКИ К ЭТИМОЛОГИИ И ЯЗЫКОВОЙ ТИПОЛОГИИ

Нижеследующий опыт типологического сравнения некоторых грамматических конструкций имеет прежде всего две цели: 1) сделать практически полный обзор типов грамматических (либо грамматикализованных) конструкций, использующихся в языках мира для обозначения определенных семантических отношений; 2) выявить разнообразные мотивации грамматических конструкций и 3) обосновать распространение этимологического подхода, до сих пор ограничивавшегося преимущественно лексическими единицами, на сферу грамматических, или конструктивных, единиц и исследовать релевантность этого подхода для языковой типологии.

I. ТИПОЛОГИЯ КОМПАРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Межъязыковое сравнение грамматических (либо грамматикализованных) конструкций нуждается, как и всякое иное сравнение, в общей исходной константе, относительно которой вообще имеет смысл проведение сравнения грамматических конструкций, так или иначе варьирующихся в различных языках. При сравнении грамматических конструкций эта константа может заключаться, как правило, в идентичности (как минимум приблизительной) обозначаемого различными конструкциями, т.е. в их семантике. Для сравнительно-типологического подхода, равно как и для подхода, подвергающегося более детальному анализу соответствующие различия, рекомендуется учитывать такие случаи несовпадения грамматических категорий, которым присуще соответственно относительно однозначное определенное общее содержание, либо единый внеязыковой денотат.

Предметами такого исследования могут быть разнообразные грамматические конструкции для обозначения посессивных отношений или же отношений между носителем действия и объектом действия. В последующих рассуждениях представляется целесообразным принять за отправную точку сравнительного рассмотрения различных конструкций, служащих для обозначения конкретных категорий, отношение градуального различия, проявляющееся в так называемом сравнении степени качества, т.е. – согласно принятой грамматической терминологии – в компаративе. Положенное тем самым в основу наших рассуждений семантическое отношение может оказаться полезным для масштабного типологического исследования, поскольку оно позволяет сделать предположение, что не найдется такого языка, который может обозначать отношение типа "А больше В" без помощи грамматических (resp. грамматикализованных) конструкций. С другой стороны, подобное отношение вряд ли обозначается в каком-либо языке лишь при помощи одной отдельной лексики¹. В данном случае мы располагаем своего рода константным нелексикализованным денотатом, позволяющим исследовать множество языков на предмет того, как они обозначают данный денотат при помощи более или менее грамматикализованных конструкций. Мы в состоянии,

¹ Ср., однако, замечание по дравидским языкам в сноске 24 настоящей статьи.

кроме того, поставить вопрос о том, возможно ли вычленишь в таких способах обозначения какие-либо мотивации, и если это возможно, то какие именно мотивации.

При этом мы ограничимся упрощенным проектом типологии, не претендующей на исчерпывающую полноту. Отметим в этой связи, что в 80-х годах были опубликованы работы П.К. Андерсена² и Л. Стассена [Stassen 1985], последняя книга обнаруживает серьезные недостатки относительно примеров из конкретных языков и в целом является ненадежным источником³. Следует упомянуть в этой связи и еще две более ранние работы: краткое исследование Х. Енсена [Jensen 1934] и фундаментальную монографию Г. Цимера [Zierner 1884]⁴.

В качестве основы сравнения для всех рассматриваемых языков используется предикативная структура в смысле "*A ist größer als B*" ("*А больше, чем В*"), где А – как будет сказано далее – есть сравнимое, В – основа сравнения, а обозначенное в нашем исходном примере как *größer als B* ("*больше (чем)*") содержит так называемое "компаративное измерение" (а именно, величину предмета).

Естественно, важными для нас в последующем будут лишь основные формы соответствующих конструкций. Исключены из рассмотрения все модификации в смысле градации (*viell et was ein wenig größer* – *намного/немного/чуть-чуть больше*) или в

² В 3 главе книги П.К. Андерсен [Andersen 1983] предлагаются пересмотр и реорганизация типологически упорядоченного материала исследования Х. Енсена [Jensen 1934].

³ Л. Стассен совершенно не различает (в противоположность описанной нами в последующем изложении типологии) компаративные конструкции с градуальной маркировкой обозначения компаративного измерения и конструкции без такой маркировки, поскольку он явно и умышленно не учитывает такой дифференциации в своей типологии этих конструкций [Stassen 1985: 28]. В остальных сведениях, приводимые Стассеном как минимум по пяти языкам (яванский, тоба батак, мальгашский, илоко и гоахино), в значительной мере ошибочны и вводят в заблуждение. На этом некорректном описании компаративных конструкций названных языков основаны, однако, его типологическая система компаративных конструкций и дальнейшая аргументация.

⁴ Однако в свете современных данных о языках взгляды обоих последних авторов не выдерживают критики. Укажем еще и на исследования В.У. Вурцеля [Wurzel 1987]. Автор ограничивается в своем исследовании почти исключительно изолированными компаративными конструкциями, для того чтобы прийти по этому вопросу к выводу, логично вписывающемуся в рамки отстаиваемой им "теории естественности". Теория эта состоит в следующем: там, где в конкретном языке существует (аналитическая или синтетическая) компаративная форма, она будет сложнее, чем лежащая в ее основе форма позитива, и что тем самым, поскольку ей соответствует более сложное содержание, чем у позитивной формы, то и в целом компаративные формы достаточны для реализации постулируемого "принципа иконичности". Концентрируя свое внимание на одной лишь морфологии, В.У. Вурцель явно не замечает, что при простом сравнении изолированной формы компаратива (*größer*) с изолированной формой позитива (*groß*) он приводит сравнение без общей, функционально обусловленной основы сравнения. С функциональной точки зрения, возможно коррелировать только соответствующие сравнительные конструкции в целом, иными словами, конструкции компаратива и экватива, то есть, к примеру, *A ist größer als B* (*А больше В*) следует коррелировать с *A ist so groß wie B* (*А столь же велико, сколь и В*). Такое сравнение обеих конструкций показывает, однако, что оба способа сравнения в существенной степени одинаково сложны. (Компаративные конструкции обсуждаются Вурцелем лишь вскользь [Wurzel 1987: 471].) Разумеется, автор может возразить, что в своей работе он хотел рассмотреть только морфологию; но поскольку Вурцель привлекает для этого свою концепцию естественности, то тем самым он задает изначально корреляцию с содержательностью/функциональностью. При этом обнаруживается, что в подобном изолированном морфологическом подходе, мягко говоря, мало смысла. В остальном Вурцель привлекает только те языки, которые располагают соответствующей флексивной морфологией, то есть изначально лишь относительно небольшой фрагмент из совокупности всех языков. В то время как Л. Стассен [Stassen 1985] оставляет практически без внимания морфологическую дифференциацию типа *groß/größer*, у Вурцеля именно она является практически единственным предметом его изысканий. Наконец, следует указать еще и на исследование Р. Алтона [Ultan 1972]. Отметим, что упомянутые исследования Цимера [Zierner 1884], Енсена [Jensen 1934] и Алтона [Ultan 1972] совсем не учитывает Стассен [Stassen 1985]. Очевидно, и работа Андерсена [Andersen 1983] была ему еще неизвестна, а Вурцель [Wurzel 1987], по всей вероятности, не знаком с работами Стассена и Андерсена.

смысле уточнения (20 cm. größer – на 20 cm. больше). Разумеется, для нас не имеет значения абсолютное употребление компаративных форм, типа *ein älterer Herr* (пожилой человек) или *eine schwierigere Aufgabe* (довольно сложное задание), которые содержат слабую степень позитивной величины. В целом, следует разграничивать относительное, т.е. (имплицитно или эксплицитно) сравнительное, использование соответствующих выражений, например, в эквативе (*so groß /wie!*), в относительном компаративе (*größer /als!*), а также – как частный случай последнего – в суперлативе (*am größten, der größte*), и абсолютное (обычное для общей нормы) использование соответствующих выражений, например, в так называемых позитиве, абсолютном компаративе или элативе.

Приведенный обзор встречающихся в разных языках типов грамматических конструкций для обозначения градуального различия выявляет тот факт, что большинство языков не маркируют собственно (семантическое) увеличение степени качества в соответствующем обозначении качества или измерения, т.е. не указывают на различие между компаративным и эквативным отношениями ни синтетически (как в нем. *größer*), ни аналитически (как во франц. *plus grand*) в самом обозначении измерения [Ullan 1972: 139; Stassen 1985: 27].

Итак, начнем с языков, которые обозначают соответствующее отношение увеличения качества б е з градации, точнее говоря, конструкционно обозначают маркирование градации в рамках компаративного измерения. Если объединить все эти языки в языки п е р в о г о о с н о в н о г о т и п а, то возможно типологически подразделить этот тип по тому, какими конструктивными способами обозначается соответствующее отношение степени качества в каждом из языков этого основного типа.

Прежде всего, необходимо различать, с одной стороны, конструкции, в которых сравниваемое (А) и основа сравнения (Б) рассматриваются как синтаксически равноценные, и с другой стороны, такие конструкции, в которых основа сравнения (Б) синтаксически не равноценна сравниваемому (А), а связана синтаксически более тесными отношениями с соответствующим обозначением компаративного измерения. Первый тип конструкций мы обозначим (несколько упрощенно) как координативный (сочинительный), второй – как субординативный (подчинительный). Среди координативных типов конструкций следует, в свою очередь, выделить такие, которые используют для обозначения градуального различия (б и п о л я р н ы й способ обозначения), и такие, которые используются у н и п о л я р н ы м способом. Языки первого типа – т.е. такие, которые обозначают градуальные различия биполярно и координативно, осуществляют это, как правило, двумя способами: к о н т р а р н о либо к о н т р а д и к т о р н о⁵. Примеры такого контрарного или контрадикторного координативного типа конструкций, который располагается на п е р в о м, низшем, уровне нашей типологии, обнаруживается (согласно данным соответствующих грамматик) в меланезийских языках и языках папуа⁶, в австралийских языках⁷, в некоторых нилотских⁸ и в ряде америндских языков⁹. В последних особенно распространен контрарный координативный тип конструкций. Согласно принятому в языковой ти-

⁵ О данном различии в связи с компаративными конструкциями ср. также работу [Jensen 1934: 117].

⁶ Так в меланезийском языке манам (северное побережье Новой Гвинеи) [Lichtenberk 1983: 551] и в папуасском языке монумбо [Vormann, Scharfenberger 1914: 15], а также в кобоне [Davies 1981: 91]. Ср. также [Jensen 1934: 116] и [Stassen 1985: 184–187].

⁷ Так в австралийских языках маунг [Capell, Hinch 1970: 58], ийдини [Dixon 1977: 245: примеры № 299, 300], нунггубуйу [Heath 1984: 587].

⁸ Так в языке шиллук [Westermann o.J.: 21] и в акулли [Crazzolara 1938/1955: 59] – наряду с прочими конструктивными типами.

⁹ Так, например, в гикскарьяна – одном из карибских языков [Derbyshire 1979: 67]. Примеры из языка дакота см. в [Jensen 1934: 117] и [Stassen 1985: 184]. В последней работе на с. 184–188 имеются, кроме того, примеры из языков меномини, нахуатль, микстек, явапай, шипибо, кайапо, мискито, абипон. Ср. также [Zierner 1884: 10–16].

пологии как можно более "плотному" поморфемному методу глоссирования, существующие в этих языках соответствия немецкому *A ist größer als B* (*А больше, чем В*) следовало бы передать, принимая во внимание их конструктивную форму, как *A (ist) groß, B (ist) klein* (*А большое, В маленькое*) или *A (ist) groß, B (ist) nicht groß* (*А большое, В небольшое*). При этом следует, однако, отдавать себе отчет в том, что общее содержание очерченных такими описаниями конструкций вполне соответствует содержанию немецкого *A ist größer als B*. Сходным образом следует рассматривать и следующие случаи.

Биполярному координативному типу конструкций, как мы говорили, противопоставлен у н и п о л я р н ы й координативный тип конструкций. Для обозначения градуального различия в этом случае используется не дополнительное оппозитивное выражение, а только обозначение компаративного измерения, которое может повторяться. Этот тип встречается прежде всего в двух случаях; когда согласно антитезе *А* и *В* сравниваемому *А* просто приписывается соответствующее качество (в реконструктивном глоссировании "*A und B, groß (ist) A*" – *А и В, большое – А*), или когда соответствующее качество сначала приписывается основе сравнения *В*, а затем – скажем, после адверсативной конъюнкции и иногда с эмфатическим артиклем при обозначении измерения – и сравниваемому *А* (например, следующим образом: *B (ist) groß, aber/jedoch g r o ß (ist) A* – *В большое, но/все же б о л ь ш о е А*). Разрозненные примеры этого (в целом довольно редко встречающегося) типа обнаруживаются в австронезийских языках¹⁰, америндских языках¹¹ и в африканских языках¹².

Оба первых типа конструкций, обозначенных как координативные, следует теперь противопоставить с у б о р д и н а т и в н ы м типам. Последние типы, в свою очередь, подразделяются как минимум на три подтипа, в зависимости от того, в каком синтаксическом отношении находится (градуально немаркированное) обозначение измерения с данной основой сравнения *В*. Две этих конструкции необходимо теперь изобразить реконструктивным поморфемным глоссированием и затем охарактеризовать несколько подробнее. Третий тип, согласно нашей последовательности нумерации, можно приблизительно передать как "*A (ist) groß neben/bei B*" (*А большое рядом с В*) либо в случае, если основа сравнения стоит во множественном числе, – "*A (ist) groß unter B plur*" (*А большое среди множества В*). Теснейшим образом связан с ним – в качестве четвертого типа – следующий способ конструирования: "*A (ist) groß von B aus/her*" (*А большое с точки зрения В*).

Рассмотрим оба типа подробнее.

Т р е т ь и й тип, который, к примеру, встречается в некоторых палеоазиатских, америндских, нилотских и западноафриканских, а также в тибетско-гималайских языках¹³, как кажется, обозначает градуальное различие таким способом, который для нас не так уж и нов и легко реконструируется. В немецком языке тоже возможна конструкция *Neben Paul ist Paula (richtig/geradezu) groß* – *Рядом с Паулем Паула*

¹⁰ Так в восточно-фиджийском диалекте боумаа [Dixon 1988: 232].

¹¹ Так в причисляемом к карибским языке бакайри [Jensen 1934: 117].

¹² Так в нилотских языках акули [Crazzolara 1938/1955: 59] (см. там конструктивные варианты 2 и 3 наряду с прочими) и нуэр [Crazzolara 1933/1955] (см. там конструктивный вариант 6; помимо этого, в нуэр есть компаративные конструкции типа 1) и в бантуском языке ньянджа [Jensen 1934: 117]. Ср. также [Ziemer 1884: 17 прим. 1].

¹³ По поводу чукотского языка см. [Bogoras 1922: 815]. Л. Стассен, который упоминает работу В. Богораз в качестве источника включения чукотского языка в свое исследование, некорректно приводит как его соответствующий пример, так и его глоссировку [Stassen 1985: 41, 147]. О америндском языке мивок, одном из пенутианских языков, см. [Freeland 1951: 28] (см. его пример *which one is stronger of us two – который сильнее из нас двоих* и его рассуждения о "косвенном употреблении объективного падежа" на с. 24). Примеры из нилотских языков (нуба) см. [Jensen 1934: 118], из западно-африканских языков (например, мандинка) см. [Stassen 1985: 149]. См. там же примеры из нага, одного из тибетско-гималайских языков. Ср. также [Ultan 1973: 133].

(действительно/прямо-таки) высокая. Это немецкое предложение все же не равнозначно содержащему компаратив предложению *Paula ist größer als Paul* – Паула выше Пауля, и тем самым оно не является точным семантическим соответствием компаративных конструкций. Но поскольку это предложение содержит градуальное различие, то и реализованный в нем конструктивный способ кажется нам явным соответствием грамматикализованным в других языках конструктивным обозначениям компаративного сравнения. Градуальное различие обозначается в этих конструкциях на основе одного метода измерения: *А* и *Б* "ставят друг к другу спиной" и измеряют их относительно друг друга, причем различие относительно компаративного измерения выявляется таким образом, что сравниваемому *А* может быть просто позитивно приписано соответствующее качество без какого-либо дополнительного маркирования: *A ist groß neben B (gemessen)* – *А большое рядом с Б (согласно измерениям)*.

При семантической интерпретации соответствующих предложений неоднократно отмечалось то обстоятельство, что простое высказывание, типа *Paul ist groß* – Пауль большой, всегда соотносится с контекстуально заданным классом сравнения, и что, таким образом, позитивной ступени *groß* – относительно его использования в этом предложении – ингерентен компаратив. Но то, что простой компаратив есть не что иное, как относительная позитивная ступень, отмечали реже, и это особенно явно обнаруживается в предложениях с подобной структурой¹⁴.

В мотивирующей основе четвертого типа конструктивного обозначения градуального различия лежит, очевидно, метод измерения, который, однако, построен не на нейтральной, по отношению к *А* и *Б*, позиции (как в случае с третьим типом), а сконструированный "с точки зрения *Б*". Мотивирующая обозначения разница между третьим и четвертым типами заключается, видимо, только в одной из перспектив: в основе третьего типа лежит внеперспективное представление, а в основе четвертого – внутриперспективное.

Именно этот последний тип следует считать, по всей вероятности, самым распространенным типом компаративных конструкций. Он встречается, к примеру, в иврите и в других древних семитских языках, а также в японском, турецком, алтайских, самодийских, в некоторых америндских, а также в койсанских языках Южной Африки и многих других¹⁵. Соответствующая связь с основой сравнения *Б* обозначается чаще всего либо посредством отложительного падежа, либо при помощи соответствующего по семантике приложения.

Оба упомянутых выше типа компаративных конструкций основаны на определенном статическом представлении о градуальном различии между сравниваемым *А* и основой сравнения *Б*. В основе рассматриваемого теперь третьего субординативного типа, пятого по нашей нумерации, лежит скорее динамическая точка зрения. Этот тип можно упрощенно передать примерно следующим образом: *A übertrifft B an Größe* – *А превосходит Б по величине*, или *A (ist) groß (und) übertrifft / übertreffend B* – *А большое и превосходит Б*. Он обнаруживается (правда, в

¹⁴ Под "простым компаративом" в немецком языке понимается компаратив без усиления при помощи *noch*. Это последнее имеет место в цепочке предложений *Paul ist ja wirklich groß. Aber Otto ist noch größer.* – Пауль действительно высокий. Но Отто еще выше.

¹⁵ По поводу иврита см. [Ungnad 1912: 58 § 162]; древнеарамейского – [Segert 1986: 342, 228]; амхарского – [Hartmann 1980: 332, 302]; японского – [Lewin 1975: 82] (-*yori*); турецкого – [Peters 1947: 43] или [Lewis 1967: 38; 54]; чувашского – [Krueger 1961: 124]; халаджского – [Doerfer 1988: 91, 109]; якутского – [Böhntlingk 1851: 327 § 576; 334 § 596]; татарского – [Poppe 1963: 116 Nr. 3; 37, 92]; киргизского – [Hebert, Poppe 1963: 28]; чагатайского – [Eckmann 1966: 98, 103f § 53]; калмыцкого – [Benzing 1985: 3, 69]; ламутского – [Benzing 1955: 59, 66]; самодийских языков – [Castrén 1854: 188], [Décsy 1966: 71]; кёр д'ален, одного из америндских языков, – [Reichard 1933–38: 671 Nr. 789]; нама, одного из койсанских языков, – [Meinhof 1909: 92 § 79, пример 1; 71]. Кроме того, по поводу лазского, одного из картвельских языков, см. [Dirr 1928: 107] и [Holisky 1991: 466]; бирманского – [Esche, Richter 1988: 305]; волеан, одного из микронезийских языков, – [Sohn 1975: 286]. См. также в целом [Jensen 1934: 119], [Ultan 1972: 130, 137, 153], [Stassen 1985: 39, 115–134].

сильно различающихся вариантах) прежде всего в языках юго-восточной Азии и Африки, нередко в языках с так называемыми серийными глагольными конструкциями¹⁶. Суть этого типа конструкций совершенно прозрачна: градуальное различие сравниваемых величин фиксируется как результат "состязания", который и в немецком языке вполне употребителен и представлен в виде неграмматизированной формы компаративного сравнения. Однако такая форма может использоваться чаще всего только для положительно оцениваемого полюса компаративного измерения. Говорят: *A übertrifft B an Stärke* – *A превосходит B по силе*, но не говорят: **A übertrifft B an Schwäche* – *A превосходит B по слабости*¹⁷.

Этими пятью вышеописанными типами конструкций исчерпываются в целом важнейшие, т.е. наиболее распространенные представители первого основного грамматизированного типа компаративных конструкций без градуального маркирования обозначений компаративного измерения¹⁸.

Обратимся ко второму основному типу, т.е. к конструкциям, в которых то или иное обозначение компаративного измерения снабжено синтетической или аналитической градуальной маркировкой¹⁹. В языках первого основного типа разница между эквативом и компаративом, т.е. между равнополагающим и компаративным сравнением, символизируется и не может не символизироваться посредством разницы в конструктивном окружении соответствующего обозначения измерения. В том случае, если обозначение измерения как таковое снабжено дифференцирующей градуальной маркировкой, можно отказаться от всяческой символизации в конструкционном окружении. В латинском языке это звучит просто: *Gaius maior est quam Marcus*. С этой конструкцией связана эквативная конструкция, отличающаяся только аналитической маркировкой равенства²⁰ в обозначении измерения: *Gaius tam magnus est quam Marcus*. В таком языке, как французский, конструкционная однородность экватива и компаратива проявляется, вероятно, еще больше в силу сплошного аналитизма: к аналитическим выражениям – с различной градуальной маркировкой – *aussi grand* и *plus grand* – добавляется единая частица *que*, которая не

¹⁶ Что касается языков с серийными глагольными конструкциями, ср. в качестве примера австро-азиатских языков камбоджийский [Jacob 1968: 140] и в качестве примера западно-африканских языков кван – язык эве [Westermann 1907: 101]; [Westermann 1939/1961: 25]; [Seidel 1906b: 83]. Такие компаративные конструкции встречаются во многих языках Африки, например, в западно-атлантических языках фулани [Taylor 1953: 49]; [Junggrathmayr, Abu-Manga 1989: 200] и гола [Westermann 1921: 39], в чадском хауса [Seidel 1906a: 38]; [Westermann 1911: 43], в нилотских языках акулли [Crazzolara 1938/1955: 59 – наряду с конструктивными типами 1 и 2] и туркана [Dimmendaal 1983: 370] и, наконец, в языках банту, например, в дуала [Ittmann 1939: 187], яунде [Nekes 1913: 127], чвана [Cole 1955: 423] и нкоре-кига [Taylor 1985: 68]. Помимо этого, в австронезийском языке биг амбас (о-ва Новые Гебриды) [Fox 1979: 106] и в кечуа (Южная Америка) [Cole 1985: 93]. Ср. в целом [Ziemer 1884: 11], [Jensen 1934: 120], [Ullat 1972: 133] и [Stassen 1985: 42, 163].

¹⁷ Ср. некоторые примеры из эве [Westermann 1907: 101], йоруба [Stassen 1985: 165 (16b)] и биг намбас [Fox 1979: 106].

¹⁸ Наш типологический обзор не претендует, как уже упоминалось выше, на абсолютную полноту. Л. Стассен [Stassen 1985: 33, 40, 136–145] выделяет, к примеру, еще один тип конструкций, который он называет "аллативным" и который следовало бы поместить в один ряд с третьим и четвертым типами нашей типологии. Однако нам представляются неясными и необъединяемыми приводимые им языковые примеры касательно уместности аллативного истолкования (ср. сомнения по этому поводу в [Kaye, Müller-Gotama 1988: 189]). Более обоснованным представляется нам скорее постулирование еще одного конструктивного типа с "суперлативным" истолкованием. Семантически такой конструктивный тип ("*A (ist) groß über B (hin)*") "*А велик над В*") находился бы в явной близости к обозначенному нами пятому типу. Ср. по этому поводу также соответствующие примеры из навахо в [Richards 1951: 148] и из нама в [Meinhof 1909: 92 § 79, пример 2], см. также [Jensen 1934: 120].

¹⁹ Само собой разумеется, для градуальной маркировки используются не только вычленимые морфемы и комплексы морфем, но иногда и супплетивные формы, типа лат. (*bonus*:) *melior* или нем. (*gut*:) *besser*.

²⁰ В некоторых языках имеются синтетические формы экватива; например, среди индоевропейских языков – в кимрском/валлийском. В грамматикографии некоторых языков "эквативом" называют также сравнительный падеж имен существительных (так, относительно ламутского см. [Benzing 1955: 65] и халаджского – [Doerffer 1988: 94]).

имеет никакой иной функции, кроме связывания второй величины сравнения (как исходный коррелят отношения равенства или степени качества) с компаративным измерением.

Для нашего типологического рассмотрения важно также то, что компаративные конструкции с такой семантически выхолощенной частицей, используемой только для указания на отношение, по-видимому, встречаются только в языках, которые располагают синтетической или аналитической градуальной маркировкой при обозначении измерения как такового²¹. Во всех прочих случаях подобное указание на отношение было бы слишком незначительным фактором, поскольку оно не позволяло бы провести дифференциацию между компаративными и эквативными конструкциями²². По сравнению с этим, в случае градуального маркирования обозначений компаративного измерения совершенно избыточно даже семантическая спецификация соответствующего отношения к основе сравнения посредством падежа или соположения. Но все же следует констатировать, что чисто реляционная частица, будучи с точки зрения композиционности ее общего содержания в таких случаях самодостаточной, только здесь и становится логически осмысленной. В некоторых языках существуют все же избыточные реализации компаративности. Они знакомы нам прежде всего по латыни, где основа сравнения может вовлекаться в компаративную конструкцию не только частицей *quam*, но и так называемым компаративным аблативом: *Gaius maior est Marco*. Это присоединение базы сравнения, характерное для четвертого типа компаративных конструкций, грамматикализуется, как известно, не только в латинском, но и в других древних индоевропейских языках, причем нередко наряду с присоединением при помощи частицы. В некоторых из этих языков функцию праиндоевропейского аблатива приняли на себя другие падежи, например, генитив в древнегреческом и датив в прагерманском²³. Сходные конструкции могут образовываться – хотя и посредством предлогов – в новогреческом и южнославянских языках²⁴.

Согласно нашей нумерации, мы относим конструкции с градуальной маркировкой и чисто реляционной частицей (как лат. *quam*, франц. *que*, нем. *als*, греч. η или венг.

²¹ Как уже отмечалось выше (сноска 3), Л. Стассен [Stassen 1985] игнорирует в своем исследовании важное для нашей типологии различие между обозначением градуального равенства или разницы в обозначении компаративного измерения как такового и соответствующим обозначением в его синтаксическом окружении, считая это типологически "иррелевантным" [Stassen 1985: 28]. Ср. также мнение П.К. Андерсена: "The particle construction is found only in those languages which use a comparative form of the adjective" [Andersen 1983: 128, 211].

²² Собственно компаративные отношения (*mehr...als*) можно обобщить, как и эквативные отношения (*so/gleich...wie*), под одним названием, охватывающим градуальную маркировку и релятор. Существенно, чтобы в соответствующих языках компаративное отношение обозначалось таким термином, который отличался бы от термина для эквативных отношений. Подобное имеет место, к примеру, в дравидийских языках, например, в телугу (см. [Krishnamurti, Gwynn 1985: 390] по эквативным отношениям и [Krishnamurti, Gwynn 1985: 93, 321] по компаративным отношениям), канарезском [Jensen 1969: 52] и каннада [Sridhar 1990: 126]. Кроме этого, в лимбу, одном из тибетско-гималайских языков [van Driem 1987: 52].

²³ Ср. в особенности относительно германского [Behagel 1923: 651] и латинского – [Wölfflin 1889].

²⁴ Новогреческий использует в данной функции предлог $\delta\pi\omicron\varsigma$, а иногда и соответствующий скорее третьему конструктивному типу предлог $\pi\alpha\rho\alpha$ - (ср., напр., [Kalitsunakis 1963: 78]). По южнославянским языкам сербохорватскому и болгарскому ср. [Reiter 1979: § 51; Ziemer 1884: 91–128]. Так, Цимер полагает: "Употребление предлога есть во многом плеоназм" [Zierner 1884: 92]. Помимо индоевропейских языков, такие избыточные компаративные конструкции встречаются, к примеру, в тюркских языках, в частности, в турецком [Peters 1947: 43; Lewis 1967: 54], татарском [Poppe 1963: 116 Nr. 3: 37, 92], чагатайском [Eckmann 1966: 98, 103 § 53], киргизском [Hebert, Poppe 1963: 28] и чувашском [Krueger 1961: 124]; помимо этого, также в эстонском [Oinas 1966: 139], в бахаса индонесия [Kähler 1956/1983: § 56a–b], в австралийском языке аранда [Strehlow 1944: 209 § 182]; в южноамериканском языке гуарани [Gregores, Suarez 1967: 162] (пример с аблативным постфиксом *gwi* и суффиксом *-ve* "более" см. на с. 128) и в языке группы майя – чутуйильском [Dayley 1985: 210, 157].

mint)²⁵ к седьмому типу; те же типы, которые, помимо градуальной маркировки, обладают еще и падежными или соположительными характеристиками связи с основой сравнения и тем самым конструкционными общностями с вышеизложенными типами 3 и 4, объединяются нами в шестой тип.

Таков (в силу принятых ограничений) весьма общий эскиз типологии компаративных конструкций. Важной представляется прежде всего заложенная в ней идея, что в языках мира, по-видимому, существует ограниченное количество типов грамматикализованных конструкций для обозначения компаративного сравнения и что в этом отношении не следует ожидать многообразия инфинитных форм. Не менее важным представляется нам, что типологически упорядоченные грамматикализованные конструкции, со всей очевидностью, открывают, с точки зрения способа их конструирования, более или менее явный доступ к их единой семантике. Они располагают своего рода мотивационным "приданым", в котором проявляются различные способы понимания одной и той же взаимосвязи, а именно градуально повышающейся дифференциации сравниваемых величин. Эта конструктивная мотивация представляет собой, однако, – согласно излагаемому ниже тезису – в конечном итоге ничто иное, как (определяемую по отношению к лексическим единицам) индикацию значения²⁶, или этимологическое значение.

II. ОБ ОТНОШЕНИИ ГРАММАТИКИ К ЭТИМОЛОГИИ И ЯЗЫКОВОЙ ТИПОЛОГИИ

Тезис, согласно которому элементам грамматических конструкций в той же мере может быть – и должно быть – дано этимологическое истолкование, как и лексическим единицам, нуждается в пояснениях не только как постулированное распространение этимологии на сферу грамматики, но и прежде всего в том отношении, что с понятием этимологии очень часто, если не преимущественно, связывают представление об историко-диахронном сведении языковых величин к более древним ступеням языка. Это лингвистическое исследование зачастую рассматривается даже как непосредственная задача этимологии. Однако диахронное измерение не играло вовсе никакой роли в нашем предшествующем типологическом исследовании, даже если это измерение не исключалось эксплицитно. В какой же степени правомерно понимать и обозначать не опирающееся на диахронные взаимосвязи диахронное истолкование конструктивных мотиваций как этимологию?

По нашему мнению, это правомерно, постольку, поскольку (в противоположность широко распространенному воззрению²⁷) сущность или центральная задача этимологии

²⁵ Об этих компаративных частицах см. [Reiter 1979: 68; Andersen 1983: 127; Seuren 1984: 123; Stassen 1985: гл. 9.3]. Дополнительно укажем на два более старых исследования: [Ziener 1884: 139–146, 195–239] и [Jensen 1934: 123]. Первое из них содержит особенно большой "материал" по этому вопросу. В качестве представителей этого типа их числа неиндоевропейских языков назовем венгерский [Bogonkay 1949: 51], саамский [Bartens 1989: 106–112], эстонский [Oinas 1966: 139], чаморро (один из филиппинских языков) [Topping 1973: 217].

²⁶ Относительно феномена семантической индикации см. [Herbermann 1981a: ч. 1, гл. 3; ч. 2, гл. 5 а В, гл. 5 d В; ч. 3, гл. 3 b В], [Herbermann 1981b: 29].

²⁷ В качестве примера приведем лишь некоторые обычные экспликации по этимологии: "Этимология некоторой речевой формы есть просто ее история, и ее можно получить, найдя более старые формы в том же языке и формы в родственных языках, которые являются дивергирующими вариантами той же самой исходной формы", – писал Л. Блумфилд [Bloomfield 1933: 15]. Й. Малкиль рассматривает этимологию как "исследование начальной фазы истории данного слова, фазы, искони скрытой от непосредственного наблюдения" [Malkiel 1957: 1]. К. Балдингер считает этимологию "биографией слов" [Baldinger 1957: 21]; так же полагает О. Семереньи [Szemerényi 1962/1977: 290]: "Этимология в современном смысле слова есть биография слова". То же говорит Й. Трир: "Современная этимология диахронна", "она есть попытка проследить историю слов как можно дальше" [Trier 1972: 816]. А. Р. Шмитт определяет этимологию как "охватывающее истоки и историю слов направление исследования в рамках сравнительно-исторического языкознания" [Schmitt 1975/1977: 1].

(как мы ранее уже пытались показать в [Herbermann 1975; 1981]) не может состоять в диахронном обосновании и исторической реконструкции языковых величин. То, что подобная точка зрения на этимологию как в первую очередь диахронную лингвистическую дисциплину все еще вообще существует как таковая, напротив, более чем удивительно. Ведь никто иной, как Ф. де Соссюр (однако не он один, и даже не он первый) резко возражал против этого. Он указывал, что диахронное сведение одного слова к другому, исконному, слову еще не есть этимология [Saussure 1916; 1972: 259]. Этимология – это не констатация того, что, согласно его примерам, франц. *sel* "соль" происходит от равнозначного, но незначительно отличающегося по форме лат. *sal*; и не сведение французского глагола *labourer* "производить полевые работы", "обрабатывать поле", "пахать", к сходно звучащему французскому глаголу с общим значением "работать", и не выведение франц. *couver* "высиживать яйца" из отличающегося от него как по форме, так и по содержанию латинского глагола *cubare* "лежать (в постели)". И соответственно, рассуждает далее де Соссюр, не является этимологической констатацией сведение лат. *bonus* "хороший" к его древнелатинскому прообразу **dvenos*. Если же тем же образом возводят лат. *bis* "дважды" к древнелат. **dvis* и тем самым устанавливают связь между ним и *duo* "два", то это последнее представляет собой "une opération étymologique"²⁸. Не простое сведение франц. *oiseau* к *avicellus*²⁹, а лишь только установление связей между этим последним и лат. *avis* является, по де Соссюру, лингвистической констатацией, которую можно классифицировать как этимологическую.

Ведь этимология есть, согласно Соссюру, "прежде всего разъяснение (explication) слов через исследование/выявление (recherche) их связей с другими словами, точнее, прояснение существующих отношений между выражением и содержанием, прояснение, которое возможно лишь благодаря перенесению на другие, существующие синхронно языковые единицы. Наконец, не существует – как подчеркивает Соссюр со ссылкой на принцип арбитrarности языкового знака – никаких делающих излишними подобное "относительное" объяснение "rapports nécessaires entre le son et le sens". Сущность и задача этимологии заключаются, судя по этому, в ответе на старый, извечный вопрос человека, осознающего, что он владеет языком: почему то или иное обладает тем или иным названием? Вопрос, на который можно ответить лишь в рамках конкретного языка, а именно лишь так, как в случае с теми сложными единицами, отношение между планами выражения и содержания которых не представляется туманным размышляющему о языке его носителю, ибо оно прозрачно. На этот этимологический вопрос вообще можно ответить, таким образом, только в таких (приводимых Соссюром) случаях, как древнелат. **dvis*, лат. *avicellus*, франц. *pommier* или – на примере современного немецкого языка – нем. *Gärtner*, *Gärtnerei*, *Gartenbau*, *Gartentor* и пр. Лежащие же в основе указанных слов лат. *duo* и *avis*, франц. *pomme* и нем. *Garten*, по отношению к которым вышеперечисленные слова получают свое этимологическое объяснение, являются как таковые этимологически далее неразложимыми. Они "становятся" таковыми, лишь если проследить их историю до той языковой ступени, на которой все еще можно прояснить ту или иную основу

²⁸ Ф. де Соссюр соотносит это фрагментарно цитируемое предложение в строгом смысле как с исторической реконструкцией соответствующей праформы, так и с установлением ее связи с другими синхронно данными словами. Однако согласно логике всей его аргументации, эта последняя часть есть не только, как он говорит, "самая важная часть этимологических исследований" [Saussure 1916/1972: 259], но и собственно этимологическое ядро историко-этимологических исследований. Ср. наше исследование [Herbermann 1981b: 24–28; особенно 27].

²⁹ Таков пример Соссюра [Saussure 1916/1972: 259]. Исходной формой франц. *oiseau* обычно считается лат. *auceus*; это, в свою очередь, сокращенная форма лат. *avicellus*. Ср. [Gamillscheg 1928: 646; Wartburg 1948: 170].

номинации их исторических предшественников благодаря их очевидным синхронным связям с другими словами.

Как уже отмечалось, де Соссюр не был единственным и не был первым лингвистом, отказавшим в статусе этимологии диахронным идентификациям более новой лексемы при помощи более древней или же простому выявлению более древнего или исконного значения. Сходные взгляды на сущность этимологии обнаруживаются с различной степенью ясности у Г. фон дер Габеленца [Gabelentz 1901: 179], а также еще у основателя индоевропейской этимологии А.Ф. Потта [Pott 1833/36: II, 355] и у более поздних авторов: у В. Пизани в его монографии о этимологии, впервые опубликованной в 1947 г. [Pisani 1967/1975: 44], или у Ю. Унтерманна [Untermann 1975]. В остальном же отстаиваемое нами определение этимологии целиком соответствует аналогичному пониманию античного учения о языке, от которого и происходит этимология как, пожалуй, наиболее древняя лингвистическая дисциплина³⁰.

Предпринятое нами включение этимологии в синхронное языкознание есть определение, не упускающее из виду принятую этимологическую практику, а лежащее в основе последней, хотя это еще недостаточно осознанно лингвистами. Это легко доказать: этимологическая практика как правило не выстраивает изолированной истории отдельных слов, а довольствуется историей того или иного слова лишь тогда, когда она проследит конкретное слово вплоть до той языковой ступени, на которой это слово можно поместить в круг его "предков", и когда она сможет путем прояснения мотивационных взаимосвязей ответить на вопрос об основах номинации в данном конкретном случае. Так, традиционные этимологические исследования не довольствуются просто тем, чтобы (приводя классический пример О. Шрадера [Schrader 1901: 707] и Г. Острофа [Osthoff 1901: 215]) отнести, к примеру, происхождение, нем. *Vieh* "крупный рогатый скот", через др.-в.-нем. *fihu* и герм. **fehu-* к реконструируемому путем сравнения с соответствующими словами в древнеиндийском, авестийском, латинском и литовском языках и.-е. **peku-* со значением "малый скот". Лишь относящаяся к ранней и.-е. ступени родственная связь с глаголами, типа греч. *πέκῃν* и лат. *peco* "расчесывать", "общи́пывать", греч. *πόκος* "шерсть" содержит скрытый принцип номинации: животное называется по действию человека, общипывающего его шерсть. В основе этого случая номинации лежит технологический принцип номинации³¹. Только открытие подобных синхронных отношений было и остается собственно целью этимологической практики.

Впрочем, следует добавить, что в соответствии с этим должно было бы существовать не только этимологическое исследование, основанное на исторических ступенях развития языка, но и такое, которое опирается также и в первую очередь на тот или иной с о в р е м е н н ы й язык. Анализируя его, этимология может лучше всего развивать свой теоретический и дескриптивный инструментарий. То, что к ее основным задачам относится также изучение прозрачных слов (лексем) современного языка и что этимология существует, таким образом, и на такой ступени, "in quo populus etiam venit", как верно подметил Варрон³², это столь же мало удивляет, сколь и тот факт, что семантика описывает не только значения на различных исторических ступенях развития языка, но также и не в последнюю очередь – значения в современном языке. Этимология есть, таким образом, по нашему мнению, наука о мотивационных связях и основах номинации в той степени, в какой они закреплены в сознании носителей языка и тем самым относятся к языку (*langue*). И поскольку понятие "мотивации", по словам Ст. Ульмана

³⁰ Ср. по этому поводу [Herbermann 1981b; 1991].

³¹ Принципы номинации см. в [Herbermann 1975; 1981b: 30]. Помимо цитируемых здесь этимологических примеров, для *Vieh* и и.-е. **peku-*, предлагаются и другие этимологические истолкования. Независимо от не обсуждаемой здесь правильности этих примеров можно продемонстрировать при помощи приводимого выше примера сущностные особенности исторической этимологии.

³² См. [Varro 1910: V, 7; Herbermann 1991: 365].

[Ullmann 1951/1957: 89], есть "чисто синхронное понятие", и поскольку вообще всякое изображение языкового сознания говорящего, по Соссюру, с необходимостью является синхронным, постольку и этимология является обязательно и исключительно синхронной лингвистической дисциплиной. Этимология в подобном понимании является не периферийной дисциплиной лингвистики, а одной из главных дисциплин, исследующих языковой знак, если не самой главной из них. Основываясь на лексических единицах, она должна выявить конкретно-языковой и универсальный инвентарь принципов номинации, лежащий в основе конкретных мотивов номинации.

С помощью этимологии слов мы узнаем существенное о том способе, которым человек осваивает мир – предметы, свойства, отношения и процессы – в ходе номинации. И все же эти обозначения, будь то посредством имен собственных, либо вообще имен существительных, либо глаголов и других частей речи, являются лексическими обозначениями, или символизациями.

Не иначе обстоит в конечном итоге дело с обозначениями или символизациями посредством грамматических – морфологических или синтаксических, – т.е. конструктивных единиц. Они также доступны – как было показано в предыдущем разделе – для соответствующего подхода и истолкования. А это означает, что этимология не является неизбежно лексической дисциплиной. Существует и этимология грамматических конструкций. Собственно этимологическое, а именно номинативно-мотивационное, в грамматической конструкции можно, со всей очевидностью, проще всего выявить и описать путем сравнения, а именно путем доказательства того, что в основе известных, более или менее синонимичных обозначений лежат аспектуально различные мотивации. Такая сравнительная (в рамках одного или нескольких языков) этимология исходит в отношении лексических единиц, к примеру, из определенных денотативных значений, чтобы затем на основе их различных обозначений прояснить различные мотивации обозначения и, тем самым, аспектuality подхода субъекта номинации к денотатам. Она сравнивает, к примеру, современные немецкие выражения *Zündholz* и *Streichholz* "спичка", чтобы прояснить в этих синонимичных выражениях то целевой (*zum (An-) Zünden* – "для зажигания"), то технический мотив номинации (*durch Streichen* – "чиркнув"). Она также может добавить к этому – хотя и касательно недавнего прошлого – еще и синоним *Schwefelholz* – "дерево с серой" в качестве вещественного обозначения. Либо она может сравнить немецкое обозначение *Regenbogen* "радуга" с французским синонимом *arc-en-ciel*, чтобы констатировать, что данный феномен схвачен одним обозначением причинно, а другим – на основе его локализации³³. Или же, к примеру, существуют разнообразные виды колесных средств передвижения, но только один определенный из этих типов обозначают в немецком языке как *Fahrrad* "велосипед" (дословно: "едущее колесо"), как будто прочие типы не имеют колес, служащих для езды. В других языках то же самое средство передвижения называется не по его функции, как "колесо для езды", а скорее (научно-) дескриптивно, по его внешнему виду, как "два колеса" (франц. *bicyclette* и англ. *bicycle*), либо по особой технике применения ног (греч. *ποδῆλατο*, ср. *поди* "ступни"). Таким образом, в каждом случае называется лишь один определенный аспект означаемого (значения), и то, на что способно само обозначение для индикации значения³⁴, как правило, не идентично с детерминацией значения.

Иначе обстоит дело, если исходить из определенного типа достаточно определенных значений, а именно, из чисел: будучи значениями меняющихся от языка к языку числительных, они в каждом случае те же самые. Но то, как эти значения каждый раз индицируются в обозначениях чисел и тем самым в известном смысле детерми-

³³ Относительно этого примера см. также [Harweg 1987: 265].

³⁴ См. сноску 27.

нируются, может, как известно, варьироваться от языка к языку³⁵: сложное числительное может служить индикатором своего содержания, так сказать, аддитивно – как в нем. *achtzehn* (восемнадцать), – но может и выражать то же самое содержание путем вычитания – как в лат. *duodeviginti*³⁶. Десятиричная система может строго соблюдаться, но иногда в обозначение числа вмещивается древний конкурент этой системы – двадцатиричная система. Так, образованному по принципу "пятью десять" немецкому числительному *fünfzig* (пятьдесят) соответствуют в других языках числительные, образуемые по принципу "десять плюс дважды двадцать" (как в ирландском и валлийском) или "дважды двадцать плюс десять" (как в грузинском и баскском), или же по принципу "десять минус трижды двадцать" (как в айнском)³⁷. Следует также вспомнить образования типа "шестьдесят плюс десять" и "четырежды двадцать" во французском языке: *soixante-dix* и *quatre-vingt*. Однако этот случай, иллюстрируемый примерами из числительных (т.е. то, что при лексической номинации содержащаяся в ней семантическая дифференциация почти достигает масштабов семантической детерминации) представляет собой в общепотребительном языке исключение. Сходный метод номинации используется, насколько нам известно, только в профессиональном языке химиков для обозначения веществ.

Сравнительно-этимологическое рассмотрение обнаруживает – как еще раз продемонстрировали наши лексические примеры – аффективную связанность того или иного обозначения. Яснее, чем некомпаративная частная этимология, оно показывает, что данная в конкретном обозначении семантическая индикация, как правило, не равнозначна семантической дифференциации либо собственному значению лексической единицы как таковой. Вполне в духе сравнительной лексической этимологии принято утверждать, в том числе и в далеких от науки кругах, что радуга во французском языке обозначается как "арка на небе" (*arc-en-ciel*), а в грузинском – как "небесный пояс" (*ts(is-sart)q(eli)*)³⁸, в то время как русское обозначение *радуга* в этом отношении совершенно непрозрачно. Или же констатируется, в противоположность этому, что обозначение зрачка во многих, даже неродственных, языках основано на сходном содержании, а именно содержанию лат. *pupilla* "маленькая девочка"³⁹.

От подобных, как все полагают, этимологических утверждений, очевидно, существенно не отличаются констатации относительно различных грамматических конструктивных единиц. Так, мы можем признать наличие в третьем конструктивном типе внеперспективной измерительной модели, в четвертом – внутриперспективной измерительной модели, а в пятом – "составительную" модель. Первый и второй типы представляются нам, напротив, относительно их семантической индикации объяснимыми, но все же не совсем в той же мере осмысленными. А в седьмом типе

³⁵ В дальнейшем мы оставим без внимания этимологическое выведение отдельных базовых числительных из слов, не связанных с числительными, как то: сведение числительного "пять" к обозначению "руки", обозначения "десяти" – к "рукам", а числительного "двадцать" – к "человеку", как это отчетливо проявляется в языке монумбо, и менее отчетливо – во многих других языках. О числительных в монумбо см. [Vormann, Scharfenberger 1914: 29].

³⁶ Сложные числительные не равны в лингвотейоретическом отношении лежащим в их основе конструкциям: *achtzehn* и *duodeviginti* – не то же самое, что *acht* и *zehn*, а *duo de viginti* и *zweiundzwanzig* – не то же самое, что *zwei* и *zwanzig*. Первые выражения являются действительно лексическими выражениями чисел, которые обозначают единицы счета внутри последовательного ряда чисел. Последние выражения обозначают, напротив, операции счета. Лексическое числительное закреплено в плане выражения: для "102" в немецком языке используется – с некоторыми вариациями – слово (*ein*)*hundert(und)zwei* (сто плюс два), а не равнозначное этому в смысле счета *"zweiundhundert* (два плюс сто). Относительно числительных как примеров различия "семантической индикации" и "(утилитарного) значения" ср. также [Harweg 1987: 268].

³⁷ Ср., например, [Menninger 1958: 75–82, 107, 120; Greenberg 1978, Hurford 1987: гл. 6]; примеры из грузинского см. в [Tschenkel 1958: 231].

³⁸ Ср. [Tschenkel 1974. III, 2010].

³⁹ Ср. [Tagliavini 1949]. Примерами могут служить также греч. κορη и индонез. *anak mata* ("дитя ока").

присвоенное сравниваемому А качество само выступает как усиленное, по сравнению с качеством В, а не только как выявляемое позитивно методом сравнительного измерения. Здесь имеет место возведение в степень соответствующего качества как такового. Соответственно понятие усиления (*Steigerung*) становится необходимым в этом типе и в других конструкциях второго основного типа⁴⁰. Наконец, шестой тип также содержит весьма избыточные элементы четвертого и, реже, третьего типа. Он более всего похож на некие плеонастические; доходящие до тавтологии лексические образования, как *Rindvieh* (= "животные, относящиеся к крупному рогатому скоту"), *Rentier* (= "олень-животное"), *Eichbaum* (= "дуб-дерево") и пр. Наконец, существуют и такие языки, которые располагают не одним грамматикализованным конструктивным типом, а двумя – как латынь и древнегреческий⁴¹ – или даже несколькими – как грузинский⁴² и литературный индонезийский⁴³.

Таким образом, выясняется, что относительно грамматических конструктивных единиц возможен подход, исследующий их мотивацию. Этот подход столь же применим к данному случаю, сколь и к лексическим единицам. Здесь мы не преследуем цели непременно связать эти, отчасти вовсе не новые, толкования со вновь создаваемой "грамматической этимологией"; используемый в этой связи термин как таковой несуществен. Однако кажется очевидным, что этот подход есть не что иное, как то, что называют "этимологией" применительно к лексическим единицам⁴⁴.

Лексическая этимология и грамматическая этимология в эксплицированном здесь смысле суть части более обширной теории мотиваций языковых символизаций. Исследования в этой области свидетельствуют, как нам кажется, о том, что языки различаются не только и, по-видимому, вовсе не в первую очередь, тем, какими принципиальными содержаниями/значениями, категоризациями они располагают, но и тем, как они их создают. В этом "как" заключается, с нашей точки зрения, прежде всего характерное качество того или иного языка или же того или иного языкового

⁴⁰ При этом относительный компаратив (*A ist größer als B*), как было отмечено выше, семантически по сути не отличается от ограниченного и тем самым опять-таки относительного, а именно контекстуального/синтагматического контрастивного позитива.

⁴¹ Представляется, что прежде всего языки, обладающие конструкциями шестого типа, одновременно располагают и конструкциями другого типа, прежде всего седьмого; языки с конструкциями третьего типа обнаруживают в своем составе четвертый тип. К языкам, располагающим конструкциями шестого и седьмого типов одновременно, относится, помимо вышеназванных индоевропейских языков, еще эстонский (см. [Oinas 1966: 139]). К языкам, обладающим в дополнение к конструкциям шестого типа еще и конструкциями третьего и четвертого типов, относятся некоторые тюркские языки, например, турецкий, татарский, чагатайский, киргизский и чувашский; см. также сноски 15 и 25. Ср. также обе следующих сноски.

⁴² Помимо компаративной конструкции с аналитической градуальной маркировкой (*up^rro*) и компаративной частицей (*vidre*), т.е. конструкции седьмого типа, грузинский язык располагает также компаративной конструкцией с локальным префиксом (*-ze*) при основе сравнения, конструкцией, в которой затем – что весьма примечательно – может отсутствовать градуальная маркировка, так что эта конструкция в зависимости от наличия градуальной маркировки может быть причислена к третьему или шестому типу. Ср. [Tschenkeli 1958: 224].

⁴³ Помимо превалирующего грамматикализованного конструктивного типа, который следует отнести к шестому типу (см. сноску 25 в литературном индонезийском можно найти соответствия первому, второму, третьему или четвертому конструктивным типам. Ср. в этой связи [Kähler 1956/1983: § 56, прим. 4–8].

⁴⁴ Мы пока оставляем открытым вопрос, относятся ли различные семантические индикации обозначающих в конечном счете то же самое различных компаративных конструкций к своему единому денотату так же, как различающиеся принципами своего образования числительные – к соответствующим числам (как, например, нем. *achtzehn* и лат. *duodeviginti*); иными словами, достигают ли они этого с их различных исходных позиций, так что семантическая индикация (как и в случае со сложными числительными) совпадает с семантической детерминацией, или же (как в прочих случаях лексической номинации) они лишь освещают аспекты этого денотата. Если справедливо последнее, то это затронуло бы одну из важнейших, имплицитных либо эксплицитных, основ большинства современных семантико-синтаксических теорий, а именно истолкование принципа композициональности "принципа Фреге" с точки зрения семантики предложения.

ти па⁴⁵. Исследовать это – задача сравнительной этимологии, о необходимости которой говорили еще в XIX веке. Эта этимология, как справедливо полагал еще сто лет назад Г. фон дер Габеленц [Gabelentz 1901/1969: 334, 345], занимается не только словарным составом того или иного языка, но и всем – как он говорит – "строением языка" (Sprachbau). В соответствии с этим перед ней открывается обширная познавательная сфера исследований. Эта этимология является в подобном понимании не только древнейшей из всех лингвистических дисциплин, но и – как мы пытались показать – такой, которая относится к сердцевине языкознания и заслуживает нашего пристального внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Andersen P.K. 1983 – Word order typology and comparative constructions. Amsterdam, 1983.
 Andersen P.K. 1987 – Journal of linguistics 23, 1987. – Пер.: L. Stassen. Comparison and universal grammar.
 Baldinger K. 1957 – Die Semasiologie. Versuch eines Überblicks. Berlin, 1957.
 Bartens H.-H. 1989 – Lehrbuch der saamischen (lappischen) Sprache. Hamburg, 1989.
 Beckers H., Schwarz H. (Hrsg.) 1975 – Gedenkschrift für Jost Trier. Köln; Wien, 1975.
 Behaghel O. 1923 – Deutsche Syntax. Eine geschichtliche Darstellung. Bd. 1–4. Heidelberg, 1923–1934.
 Benzing J. 1955 – Lamutische Grammatik. Mit Bibliographie, Sprachproben und Glossar. Wiesbaden, 1955.
 Bierwisch M., Lang E. (Hrsg.) 1987 – Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven. Berlin, 1987.
 Bloomfield L. 1933. – Language. New York, 1933.
 Bogoras W. 1922 – Chukchee // F. Boas (ed.): Handbook of American Indian languages. Pt. 2. Washington, 1922.
 Böhrlin O. 1851 – Über die Sprache der Jakuten. St. Petersburg, 1851.
 Boronkay A. 1949 – Einführung in das Ungarische. 2. Aufl. Leipzig, 1949.
 Buchholz O. 1987 – Zu komparativischen und superlativischen Konstruktionen in den Balkansprachen // Studien zur Morphologie und Syntax der Balkansprachen. I: Beiträge zur Balkanlinguistik. V. Berlin, 1987.
 Capell A., Hinch H.E. 1970 – Maung grammar. Texts and vocabulary. The Hague; Paris, 1970.
 Castrén M.A. 1854 – Grammatik der samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1854.
 Cole D.T. 1955 – An introduction to Tswana grammar. London; Cape Town; New York, 1955.
 Cole P. 1985 – Imbabura Quechua. London; Sydney; Dover, 1985.
 Crazzolara J.P. 1933 – Outlines of a Nuer grammar. Wien, 1933.
 Crazzolara J.P. 1938/1955. – A study of the Acooli language. Grammar and vocabulary. 2-nd impr. London; New York; Toronto, 1955. (first ed. – 1938).
 Davies J. 1981 – Kobon. Amsterdam, 1981.
 Dayley J.P. 1985 – Tzutujil grammar. Berkeley; Los Angeles; London, 1985.
 Décsy G. 1966 – Yurak chrestomathy. Bloomington; The Hague, 1966.
 Derbyshire D.C. 1979 – Hixkaryana. Amsterdam, 1979.
 Dimmendaal G.J. 1983 – The Turkana language. Dordrecht, 1983.

⁴⁵ Говоря здесь о способе передачи семантики того или иного языка (того, "как"), мы избегаем понятия "внутренней формы". Способы понимания этого выражения Гумбольдта, как известно, весьма и весьма различны, а то, как сам Гумбольдт использует его, вряд ли может претендовать на ясность или однозначность. Ведь именно с опорой на Гумбольдта – хотя и эксплицитно расходясь с ним – А. Марти говорил о "внутренней форме языка", и его вполне ясное понятие внутренней формы языка, относящееся эксплицитно не только к лексическим единицам, но и к синтаксическим, перекрывается в значительной мере с тем, что мы здесь пытались изобразить в виде этого "как" в конкретном языке и в качестве области непосредственных интересов сравнительной этимологии. Ср. в качестве примера [Marty 1918: 67]: «"Внутренняя форма языка", или этимон конкретного языкового средства, есть представление, слушающее в качестве связующей ассоциативной нити между внешне воспринимаемым знаком и его значением... Форма выражения, которая обладает этимоном, или внутренней формой, пробуждает прежде всего известные представления, которые собственно не имелись в виду говорящим, но призваны только придать слушающему психологическое содержание..., которое в действительности имелось в виду. Как различные звуки, так и совершенно разные этимоны могут в зависимости от обстоятельств образовывать для того же содержания связующую его со звуком нить, а потому можно по аналогии с "внешней формой" – меняющимся звуком – с полным основанием назвать меняющийся этимон "внутренней формой языка"». По поводу "синтаксической внутренней формы" см. [Marty 1918: 217–223]. Ср. также по этому поводу и в связи с проблемой "языковой картины мира" [Harweg 1987: 266–269].

- Dirr A. 1928 – Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig, 1928.
- Dixon R.M.W. 1977 – A grammar of Yidip. Cambridge, 1977.
- Dixon R.M.W. 1988 – A grammar of Boumaa Fijian. Chicago; London, 1988.
- Doerfer G. 1988 – Grammatik des Chaladsch. Wiesbaden, 1988.
- Driem G. van 1987 – A grammar of Limbu. Berlin; New York; Amsterdam, 1987.
- Duden 1984 – Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 4. völlig neu bearb. und erw. Aufl. / Hrsg. von G. Drosdowski. Mannheim; Wien; Zürich, 1984.
- Ekkmann J. 1966 – Chagatay manual. Bloomington; The Hague, 1966.
- Esche A., Richter E. 1988 – Burmesisches Übungsbuch. Unter Mitarbeit von U Khin Maung Saw. Leipzig, 1988.
- Fox G.J. 1979 – Big Nambas grammar. Canberra, 1979.
- Freeland L.S. 1951 – Language of the Sierra Miwok. Baltimore, 1951.
- Gabelentz G. von der 1891/1969 – Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Tübingen, 1969 [1. Aufl. 1891].
- Gamilscheg E. 1928 – Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache. Heidelberg, 1928.
- Greenberg J.H. 1978 – Generalizations about numerical systems // Greenberg J.H. Universals of human language. V. 3: Word structure. Stanford, 1978.
- Gregores E., Sudrez J.A. 1967 – A description of colloquial Guaraní. The Hague; Paris, 1967.
- Hartmann J. 1980 – Amharische Grammatik. Wiesbaden, 1980.
- Harweg R. 1976 – Steigerungen durch die Verbindung *noch* + Komparativ // Wirkendes Wort 26, 1976.
- Harweg R. 1987 – Zählheftswörter und Weltbild // Archiv orientali. 55, 1987.
- Heath J. 1984 – Functional grammar of Nunggubuyu. Canberra, 1984.
- Hebert R.J., Poppe N. 1963 – Kirghiz manual. Bloomington; The Hague, 1963.
- Herbermann C.-P. 1975 – Etymologie und allgemeine Benennungsprinzipien. Hd. *schlucht* und das ergologische Prinzip // H. Beckers, H. Schwarz. (Hrsg.) Gedenkschrift für Jost Trier. Köln; Wien, 1975.
- Herbermann C.-P. 1981a – Wort, Basis, Lexem und die Grenze zwischen Lexikon und Grammatik. Eine Untersuchung am Beispiel der Bildung komplexer Substantive. München, 1981.
- Herbermann C.-P. 1981b – Moderne und antike Etymologie // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung 95 (1981), 22–48.
- Herbermann C.-P. 1991 – Antike Etymologie // P. Schmitter (Hrsg.) Geschichte der Sprachtheorie. Bd. 2: Sprachtheorien der abendländischen Antike. Tübingen, 1991.
- Holisky D.A. 1991 – Laz // A.C. Harris (ed.): The indigenous languages of the Caucasus. New York, 1991.
- Hurford J.R. 1987 – Language and number. The emergence of a cognitive system. London; New York, 1987.
- Ittmann J. 1939 – Grammatik des Duala (Kamerun). Unter Mitarbeit von C. Meinhof. Berlin, 1939.
- Jacob J.M. 1968 – Introduction to Cambodian. London, 1968.
- Jensen H. 1934 – Der steigernde Vergleich und sein sprachlicher Ausdruck // IF 1934. Bd. 52.
- Jensen H. 1969 – Grammatik der Kanaresischen Sprache. Leipzig, 1969.
- Jespersen O. 1924 – The philosophy of grammar. London, 1924.
- Jungraithmayr H., Abu-Manga A.-A. 1989 – Einführung in die Ful-Sprache. Berlin, 1989.
- Kähler H. 1956/1983 – Grammatik der Bahasa Indonesia. Mit Chrestomathie und Wörterverzeichnis. 3., revid. Aufl. Wiesbaden, 1983 (1. Aufl. 1956).
- Kalitsunakis J. 1963 – Grammatik der neugriechischen Volkssprache. 3., wesentl. erw. und verb. Aufl. Berlin, 1963.
- Käye A.S., Müller-Gotama F. 1988 – Studies in language 12. 1988 – Rec.: L. Stassen. Comparison and universal grammar.
- Klein E. 1991 – Comparatives // A.V. Stechow, D. Wunderlich (Hrsg.): Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. Berlin; New York, 1991.
- Krishnamurti B.H., Gwynn J.P.L. 1985 – A grammar of modern Telugu. Delhi; Bombay; Calcutta; Madras, 1985.
- Krueger J.R. 1961 – Chuvash manual. Introduction, grammar, reader and vocabulary. Bloomington; The Hague, 1961.
- Lewin B. 1975 – Abriss der japanischen Grammatik auf der Grundlage der klassischen Schriftsprache. 2., verb. Aufl. Wiesbaden, 1975.
- Lewis G.L. 1967 – Turkish grammar. Oxford, 1967.
- Lichtenberk F. 1983 – A grammar of Manam. University of Hawaii Press., 1983.
- Malkiel Y. 1957 – A tentative typology of etymological studies // IJAL. 23. 1957.
- Marty A. 1918 – Über subjektlose Sätze und das Verhältnis der Grammatik zu Logik und Psychologie // Gesammelte Schriften / Hrsg. von J. Eisenmeier, A. Kastil, O. Kraus. II. Bd., 1. Abt. Halle a. Saale, 1918.
- Meinhof K. 1909 – Lehrbuch der Nama-Sprache. Mit Beiträgen von H. Hegner, D. Westermann, C. Wandres. Berlin, 1909.
- Menninger K. 1958 – Zahlwort und Ziffer. Eine Kulturgeschichte der Zahl. 2. Aufl. Göttingen 1958 [1. Aufl. 1934].
- Nekes H. 1913 – Die Sprache der Jaunde in Kamerun. Berlin, 1913.
- Oinas F.J. 1966 – Basic course in Estonian. Bloomington; The Hague, 1966.
- Osthoff H. 1901 – Etymologische Parerga. I Tl. Leipzig, 1901.

- Peters L. 1947 – Grammatik der türkischen Sprache. Berlin, 1947.
- Pisani V. 1967/1975 – Die Etymologie. Geschichte – Fragen – Methode. München, 1975 (оригинал: Brescia, 1967).
- Poppe N. 1963 – Tatar manual. Descriptive grammar and texts with a Tatar-English glossary. Bloomington; The Hague, 1963.
- Pott A.F. 1833/1836 – Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indo-Germanischen Sprachen, mit besonderem Bezug auf die Lautumwandlung im Sanskrit, Griechischen, Lateinischen, Littauischen und Gothischen. Lemgo. Bd. 1 – 1833; Bd. 2 – 1836.
- Reichard G.A. 1933–1938 – Coeur d'Alène // F. Boas (ed.): Handbook of American Indian languages. Pt. 3. Glückstadt; Hamburg; New York, 1933–1938.
- Reichard G.A. 1951 – Navaho grammar. New York, 1951.
- Reiter N. 1979 – Komparative. Wiesbaden, 1979.
- Saltarelli M. 1988 – Basque. London, New York, 1988.
- Saussure F. de 1916/1972 – Cours de linguistique générale. Paris, 1972 (первое издание 1916).
- Schmitt R. (Hrsg.) – Etymologie. Darmstadt, 1977.
- Schrader O. 1917/1929 – Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Grundzüge einer Kultur – und Völkergeschichte Alteuropas. Etymologie, Darmstadt, Leipzig, 1917, 1929.
- Segert S. 1986 – Altaramäische Grammatik mit Bibliographie, Chrestomathie und Glossar. Leipzig, 1986.
- Seidel A. 1906a – Die Haussasprache. Heidelberg; Paris, 1906.
- Seidel A. 1906b – Lehrbuch der Ewe-Sprache in Togo (Anglo-Dialekt). Mit Übungsstücken, einem systematischen Vokabular und einem Lesebuch. Heidelberg; Paris, 1906.
- Seuren P.A.M. 1984 – The comparative revisited // Journal of semantics. 3. 1984.
- Sohn H.-M. 1975 – Woleaian reference grammar / With the assistance of A.F. Tawerilmang. Honolulu, 1975.
- Sridhar S.N. 1990 – Kannada. London; New York, 1990.
- Stassen L. 1985 – Comparison and universal grammar. Oxford; New York, 1985.
- Strehlow N.G.H. 1944 – Aranda phonetics and grammar. Sydney, 1944.
- Szemerényi O. 1962/1977 – Principles of etymological research in the Indo-European languages // R. Schmitt (Hrsg.) Etymologie, Darmstadt, 1977 (первое издание: Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. Sonderheft 15, 1962).
- Tagliavini C. 1949 – Di alcune denominazioni della pupilla // Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli, N.S. 3, 1949.
- Taylor Ch. 1985 – Nkore-Kiga. London; Sydney; Dover, 1985.
- Taylor F.W. 1953 – A grammar of the Adamawa dialect of the fulani language (Fulfulde). Oxford, 1953.
- Topping D.M. 1973 – Chamorro reference grammar. With the assistance of B.C. Dungca. Honolulu, 1973.
- Trier J. 1972 – Etymologie // Historisches Wörterbuch der Philosophie / Hrsg. von J. Ritter. Bd. II. Basel; Stuttgart, 1972.
- Tschenkéli K. 1958 – Einführung in die georgische Sprache. Bd. I: Theoretischer Teil. Zürich, 1958.
- Tschenkeli K. 1965/1974 – Georgisch-Deutsches Wörterbuch. 1–3. Zürich, 1965–1974.
- Ullmann S. 1951 – The principles of semantics. Oxford; Glasgow, 1951.
- Ullmann S. 1962 – Semantics. An introduction to the science of meaning. Oxford, 1962.
- Ullan R. 1972 – Some features of basic comparative constructions // Working papers on language universals. 9. 1972.
- Ungnad A. 1912 – Hebräische Grammatik. Tübingen, 1912.
- Untermann J. 1975 – Etymologie und Wortgeschichte // H. Seiler (Hrsg.). Linguistic workshop III. Arbeiten des Kölner Universalienprojekts 1974. München, 1975.
- Varro M.T. 1910 – De lingua latina quae supersunt. Leipzig, 1910.
- Vormann F., Scharfenberger W. 1914 – Die Monumbo-Sprache. Grammatik und Wörterverzeichnis. Mit Einleitung und Anhang von F. Hestermann. Wien, 1914.
- Warburg W. von 1948 – Französisches etymologisches Wörterbuch. 1. Bd. Tübingen, 1948.
- Westermann D. 1907 – Grammatik der Ewe Sprache. Berlin, 1907.
- Westermann D. 1911 – Die Sprache der Haussa in Zentralafrika. Berlin, 1911.
- Westermann D. 1921 – Die Gola-Sprache in Liberia. Grammatik, Texte und Wörterbuch. Hamburg, 1921.
- Westermann D. 1939/1961 – Die Ewe-Sprache in Togo. Eine praktische Einführung. Berlin, 1961 [1. Aufl. 1939].
- Westermann D. (6.r.) – A short grammar of the Shilluk Language. Philadelphia; Berlin (6.r.).
- Wölfflin E. 1889 – Der Ablativus comparationis // Archiv für Lateinische Lexikographie und Grammatik 6. 1889.
- Wurzel W.U. 1987 – Zur Morphologie der Dimensionsadjektive // M. Bierwisch, T. Lang (Hrsg.) Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven. Berlin, 1987.
- Zierner H. 1884 – Vergleichende Syntax der indogermanischen Comparison. Berlin, 1884.

Перевел с немецкого О.А. РАДЧЕНКО